

Обатнина Елена Рудольфовна

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
lena.eo@mail.ru

Опыт прочтения артефакта: «пушкинская» тетрадь Алексея Ремизова

Для цитирования: Обатнина Е. Р. Опыт прочтения артефакта: «пушкинская» тетрадь Алексея Ремизова. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (1): 61–78. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.104>

Статья обращена к кругу проблем феноменологии текста и мифологии культуры. Предметом исследования выбраны такие специфические объекты творческого наследия А. М. Ремизова, как его альбомы. Среди огромного корпуса подобного рода материалов выделена особая группа наиболее герметичных по содержанию. Автор статьи предлагает исследовать ремизовский артефакт в контурах научных концепций, сформулированных Ю. М. Лотманом в отношении к феномену Текста и Р. Бартом в отношении к феномену Мифа новейшего времени. В статье впервые вводится в научный оборот полное описание недостаточно изученного архивного документа — так называемой «пушкинской» тетради. С точки зрения автора, она представляет собой целостный «текст» — полисемантическую коммуникативную структуру, содержание которой раскрывается во взаимосвязи с внетекстовыми историко-литературными реалиями. Фрагменты этого артефакта — печатные тексты, разрозненные по времени и по характеру информации, являются сигнатурами двух уровней повествовательной структуры. Доминантная тема прямо или косвенно связана с именем Пушкина и развитием пушкинского мифа. Факультативная — локализована на роли Ремизова как актора культурного процесса XX в., в котором значительное место отведено антропоцентрическому мифу Новейшего времени и формам его бытования. Для обнаружения проекций текстовых и иконографических элементов артефакта на скрытые эпизоды литературной жизни и биографии писателя автор статьи использует понятие «затекст», подразумевая область биографических и культурных коннотаций. В статье апробируется продуктивность прочтения авторской композиции как знаковой системы. В результате исследования восстановлен замысел «пушкинской» тетради как «памятника» культуры; прослежена аналогия принципа организации артефакта с моделями ремизовского «летописания» начала 1920-х и 1930-х гг. Структурно-семиотический подход к вербальным и иконическим фрагментам артефакта, а также использование археографического описания для раскрытия авторской рефлексии обеспечивают исследованию новый ракурс на феномен пушкинского мифа в парадигме литературной рецепции XX в.

Ключевые слова: архивный документ, артефакт А. М. Ремизова, семиотика текста, миф о Пушкине, культурная рефлексия, литературная рецепция.

Многочисленные альбомы, тетради и рукописные книги давно стали предметом изучения творческого наследия Алексея Ремизова. Корпус произведений такого рода — благодатная почва для работы искусствоведов, еще на ранних подступах к архиву писателя отметивших, что создание этих арт-объектов является «самобытным, самодовлеющим творчеством, которое требует тщательных исследований» [Маркадэ 1987: 126]¹. Для описания подобного рода произведений синкретического генезиса наиболее удобен термин «артефакт». В системе ремизовской вселенной рукотворные объекты характеризуются множественной эстетико-литературной функциональностью и образованы в результате контаминации вербальных и изобразительных компонентов². Одни из них адресовались внешним ценителям искусства графики и каллиграфии, другие служили писателю протоформами художественных произведений, а третьи — своего рода хранилищами важных событий творческой биографии, осмысливаемой частью культуры. Занимаясь типологией ремизовского артефакта, именно последние из упомянутых разрядов мы в свое время охарактеризовали как «энтелехии» творческой лаборатории писателя [Обатнина 2011б: 303]. Основным признаком этой сравнительно небольшой группы назовем герметичность авторской композиции, организованной по принципу мнемонической автокоммуникации³. Функцию средств выражения здесь выполняют личные записи, списки поездок и адресов, вырезки из периодической печати, опубликованная иконография современников, приватные и официальные письма разных лиц, зодиакальные предсказания и многое другое. Представляя собой замкнутую семиотическую структуру, тетради-энтелехии, не обнаруживая авторский замысел, отражают биографический материал, сопоставленный с историей и литературным процессом⁴.

Опираясь на основные положения концепции Ю. М. Лотмана⁵, мы предлагаем исследовать подобные артефакты как коммуникативную знаковую систему, реализующуюся во взаимосвязи с внеположными структурами. В кругу проблем современной феноменологии текста широко применяется понятие «затекстовая реальность», или «затекст», которое имеет разнообразные толкования [Говорухина 2021]. В отличие от метода реального комментирования, принятого по отношению к конкретным информационным данностям художественного текста, категория «затекста» позволяет укрупнить масштаб рассмотрения, например, до парадигмы авторских культурных рефлексий. Для «прочтения» артефакта, созданного таким плодотворным новатором в области художественного нарратива и формотворче-

¹ В настоящее время образовалась достаточно обширная библиография научной литературы, посвященной рукописной книге и рисованным альбомам Ремизова. Назовем имена ведущих исследователей: А. М. Грачева, Ж.-К. Маркадэ, Г. Слобин, Ю. Фридман.

² Подробнее о функции альбома в творческой работе Ремизова: [Обатнина 2008: 342–350].

³ Об этом свойстве текста см.: [Лотман 2000: 426].

⁴ К числу опубликованных энтелехий относятся несколько самодельных переплетов, демонстрирующих приемы ремизовской альбомной эстетики — декоративные элементы, каллиграфию, технику монтажа печатных и рукописных текстов: «Сирин, 1912» [Лавров 2003], «Адреса и маршруты. 1913–1919» [Обатнина 2011б: 317–322], см. также нашу реконструкцию тетради на сайте «Наследие А. М. Ремизова в литературном процессе XX–XXI вв.»: <http://pushkinskijdom.ru/remizov/content/arhiv/addresses.pdf> (дата обращения: 28.02.2024); «Зарубежная цензура. 1923–1931» [Обатнина 2019].

⁵ Ср. определение: «...для того, чтобы стать “текстом”, графически закреплённый документ должен быть определен в его отношении к замыслу автора, эстетическим понятиям эпохи и другим, графически в тексте не отраженным величинам» [Лотман 1994: 203].

ства первой половины XX в., как Ремизов, мы будем трактовать «затекст», главным образом подразумевая пространственную семантику префикса *за-*, как область биографических, культурных и историко-литературных коннотаций, обозначенных в «тексте», но лежащих вне его объективного содержания⁶.

* * *

Своего рода уникалом среди ремизовских архивных материалов является хранящаяся в Пушкинском Доме тетрадь «Потерпевшие в 125-летие со дня рождения А. С. Пушкина в Париже и в России»⁷. Впервые этот артефакт был приобщен к корпусу текстов, образующих в творческом наследии писателя пушкинскую тему, в статье «Пушкин у Ремизова» [Кибальник 1994]. Краткий перечень отдельных страниц тетради здесь послужил для описания творческой рецепции образа национального поэта и его роли в истории русской литературы. В частности, автор исследования выделил такие контрастные проявления ремизовского «я», как «черный» юмор [Кибальник 1994: 173], послуживший мотивацией к размещению в тетради заметки «Дело о видении Пушкина» (л. 2), солидарность с футуристическим негативизмом, выразившаяся в факте сохранения речи И. М. Зданевича (л. 3), и «безыскусное приятие» (трогательное оформление памятного билета на пушкинские торжества декоративными элементами — цветком и миниатюрной шпагой) [Кибальник 1994: 173]. Отмеченные «перепады суждений» вписаны в цепочку других высказываний Ремизова о Пушкине, которые подтверждают субъективную и зачастую двойственную точку зрения, склонную как к мифологизации, так и к демифологизации общепризнанного культурного эталона [Кибальник 1994: 174–176].

Действительно, двоящиеся смыслы поджидают нас уже на титульном листе пригласительного билета, отпечатанного по случаю пушкинского юбилея. Слова *Потерпевшие, Париж, Россия*, вписанные рукой Ремизова в официальное название громкого общественного события, выполняют здесь роль ключевых понятий для всей авторской композиции, заключенной в тетради. В очерченном смысловом поле культ «солнца нашей поэзии» неизбежно сопровождается идолопоклонниками, невинными жертвами и ниспровергателями — все они выступают в роли «потерпевших». Стилистическая окрашенность данного определения задает иронический регистр авторского отношения к конкретным случаям культивации образа Пушкина в русскоязычном пространстве упомянутых локусов «Париж» и «Россия».

К основным смысловым доминантам «текста» тетради мы отнесем все очевидные «пушкинские» материалы торжественного заседания в Сорбонне (пригласительный билет, концертная программа и речь Зданевича — л. 1, 2, 3, 5). Характерно, что, начиная с л. 6, пушкинская тема (в ее прочитываемых признаках) ускользает от нашего внимания. Далее смысловой центр «текста» смещается к автобиографической информации, которая прочитывается в газетных заметках с упоминанием имени писателя, выразительно подчеркнутого им самим красным карандашом. Ло-

⁶ См. другие определения в работе [Подчиненов 2021]. О «тексте» и «затексте» артефакта см. также: [Пономарева 2021: 66].

⁷ См. археографическое и полистное описание в приложении к настоящей статье. Цифровая версия оригинального документа в полном объеме размещена нами на указанном сайте (прим. 4) в разделе «Архивные материалы»: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/pages/documents.html> (дата обращения: 28.02.2024).

гично принимать такое обозначение личного присутствия за проявление авторской рефлексии. Специалисты называют похожие случаи «местами выхода в затекст» [Говорухина 2021: 117]. Конкретно для анализа артефакта-энтелехии предложенное определение весьма удачно. Именно эти сигнатуры причастности Ремизова к событийному ряду, представленному в «тексте» тетради, обнаруживают корреляции как с биографией писателя, так и с двумя его моделями художественного конструирования действительности, тесно связанными с отчетливой потребностью писателя фиксировать процессы развития литературы и культуры.

Первая из них проявилась уже в начале зарубежного периода жизни Ремизова. Характерной особенностью подобного осмысления стала форма иронической, нередко абсурдистской трансформации реалий, нашедшей место на страницах таких культурно значимых изданий русского Берлина, как «Бюллетени Дома искусств» и газета «Голос России» (1922)⁸. К этому же времени относится эксперимент описания явлений истории языком графического искусства⁹.

Вторая модель реализовалась в ремизовской автобиографической прозе 1930-х гг., особенно в написанных в это время главах романа «Учитель музыки». Новаторство этого повествования заключалось в множественной объективации авторского «я». Сразу в нескольких вымышленных образах Ремизов проявлял себя как представитель парижской диаспоры и участник ее культурной жизни. Сюжетобразующая литературная форма «похождений» главного героя¹⁰ позволяла писателю затрагивать серьезные проблемы литературного процесса и личного творчества. Глубокое понимание романа невозможно без обширного «подстрочника», обнаруживающего не только денотативные, но и коннотативные уровни соотношений художественной и «затекстовой» реальности. В общем и целом, этот вектор творчества Ремизова, отразившийся в двух названных моделях, можно определить как мифическое летописание.

Ирония, как мы уже отметили, явственно прочитывается и в зачине тетради. Возвращаясь к мысли С. А. Кибальника, уточним функцию черного юмора, который, на наш взгляд, высвечивает иронически-абсурдистский ракурс на пушкинский миф, самопроизвольно развивавшийся как на просторах России, так в русском зарубежье. Первая из газетных вырезок под названием «Дело о видении Пушкина», сообщающая о случае из криминального быта советской глубинки, явно выполняет функцию вневременного трагического пролога¹¹. Сама барнаульская история в тетради служит констатацией роковых последствий соприкосновения с мифом о Пушкине. Как следует из газетной заметки, священники совершили преступление. Однако культурологический курьез, по мысли Ремизова, состоял в том, что отвечая по статье уголовного кодекса СССР за профанацию трагической гибели поэта, они же испытали на себе «отмщение» пушкинского мифа. Герой же следующего сюжета — пионер русского футуризма Илья Зданевич (Ильззд) — оказался в числе «потерпевших» как непризнанный защитник Пушкина от ложной мифологизации. Абсурдизм обоих случаев поддержан необычным элементом «затекста», который обретает смысловое наполнение лишь при археографическом

⁸ См. об этом: [Флейшман 1999].

⁹ Подробнее см.: [Обатнина 2013].

¹⁰ Подробнее см.: [Грачева 2008].

¹¹ См. Приложение к статье на с. 75–78.

анализе нашего артефакта. Обложкой для его самодельного переплета послужила рекламная брошюра известного издательства «Hippocrate», в 1933 г. образованного для выпуска одноименного медицинского журнала. В ряду сближающихся смыслов реального контекста немаловажно, что во главе редакции тогда встал Жильбер Лели (G. Lély), один из апостолов литературного сюрреализма, историк медицины, историограф маркиза де Сада.

Несостоявшаяся юбилейная акция Зданевича — неоспоримый литературный факт, который был спроецирован на сходные явления культуры, образующие «пушкинский текст» и пушкинский миф. В частности, текст авангардиста по-своему отвечал задачам сложившегося жанра юбилейной пушкинской речи: его ближайшими на временной оси предшественниками являются публичные выступления И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского (1880), А. А. Блока (1921). Отчасти в продолжение этой традиции к 100-летней годовщине со дня гибели поэта была написана речь И. С. Шмелева и статья М. И. Цветаевой «Мой Пушкин»¹², в которой тема «живого» и «своего» Пушкина¹³, так же, как и в заготовленном выступлении Ильязда, противопоставлена официальной «благодарной памяти», воздаваемой поэту в юбилей его трагической гибели. Благодаря включению в композицию «По-терпевших...» такого колоритного документа русского зарубежья, содержание тетради в целом обрело статус исторической «хроники».

Ценность ремизовских фиксаций становится очевидной, если принять во внимание, что инцидент с запретом апологии, несоответствующей юбилейному канону, оказался буквально замолчан в отчете о вечере в Сорбонне, опубликованном с обширными выдержками из выступлений членов организационного комитета пушкинского торжества¹⁴. После появления в 1994 г. статьи С. А. Кибальника документ авангардной культуры, обнаруженный в ремизовской тетради, остался вне поля внимания и в отечественных научных обзорах, посвященных русской зарубежной пушкиниане¹⁵. С тех пор образцы гектографического тиража, распространенного 12 июня 1924 г., нашлись также в архивах других современников-эмигрантов¹⁶, однако только для Ремизова листовка со скандальной «Пушкинской речью» стала предметом культурной рефлексии. Писатель не просто сберег ее «на память», но и внес в ряд тематически близких материалов, объединенных признаками пушкинского мифа¹⁷.

¹² Ср. рассуждения о статье Цветаевой: [Сараскина 2018: 156].

¹³ Корреляциям авторского «я» с Пушкиным посвящен очерк «Пушкинская речь Достоевского» [Ремизов 1932]; включен также в рассказ «Шиш еловый» [Ремизов 1933].

¹⁴ См.: [Р. С. 1924].

¹⁵ В отличие от громкого юбилея 1937 г., торжества 1924 г., отмеченные эмигрантским сообществом, исследовались в значительно меньшей степени. См., в частности, заметку о зарубежных материалах из коллекции Лидии Варсано, касающихся 1937 г.: [Евдокимова 1999]. Отметим, что именно в составе собрания известной меценатки тетрадь Ремизова была передана в Пушкинский Дом. В 1997 г. появилась еще одна републикация листовки Зданевича — на этот раз по первоисточнику (см. прим. 16). Однако в библиографический список воспроизведений этого «пушкинского текста» ни статья Кибальника, ни сама тетрадь Ремизова включены не были. См.: [Филин 2004: 145–146].

¹⁶ Впервые текст листовки введен в научный оборот в 1987 г. по аналогичной ремизовскому экземпляру копии из парижского архива Зданевича; публикация состоялась в пушкинском выпуске «Revue des études slaves» (ред. Е. Эткинд). См.: [Gayraud 1987].

¹⁷ Подробнее о свойствах мифологии Нового времени и Пушкине как мифическом культурном герое см. в работе [Виролайнен 2003: 118–124].

Если мы примем в качестве «затекста» область концентрических кругов, сходящихся от крупного плана культуры и истории к центру — к творческой личности, то эпизод с речью Зданевича, как и другие фрагменты «текста» тетради (газетные вырезки и наклейки), включает в себе сигналы «означения» автобиографических событий. К таковым относится история отношений писателя-модерниста, не избежавшего участи быть «брошенным» «с парохода Современности» [Бурлюк и др. 1912: с. 3], и поэта-«заумника», которая, вероятнее всего, началась в период с 1914 по 1917 г.

Документальные подтверждения петроградских встреч неизвестны, несмотря на то что Ремизов в 1910-х гг. был дружески и творчески связан с отдельными представителями русского авангарда. В Германии в 1922–1923 гг. его окружали художники, позиционировавшие себя как представители международного футуризма¹⁸. Зданевич, судя по опубликованным новейшим материалам его архива, в первые годы эмиграции сохранял реноме непримиримого оппонента модернистов. Характерно, что творческий успех Ремизова в Берлине в 1921–1922 гг. послужил авангардисту лишь свежим поводом для инвективных публичных высказываний, зачислявших писателя в список «литературных халтурщиков» [Зданевич 2021: 251]. Как помнится, «с парохода Современности» Зданевич со товарищи «бросили» Пушкина по старшинству, а Ремизова — заодно с современниками. Отношение к обоим существенно переменилось уже в 1924 г.

Отдельные штрихи из жизни русской эмиграции заставляют нас думать, что оба писателя принимали «правила игры», необходимые для реализации личной творческой программы, предоставляя друг другу свободу самовыражения. Нам удалось найти письмо Зданевича от 26 февраля 1924 г., свидетельствующее о том, что Ремизов сразу по приезде в Париж (ноябрь 1923 г.) направил своему vis-à-vis весьма теплое дружественное приветствие. В ответном послании читаем:

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Наконец-то выпустили меня из госпиталя и наслаждаюсь дома тишиной и покоем. Спасибо Вам, что не забыли меня, когда лежал я, и мне написали. Надеюсь, скоро со всем буду дома и Вас повидаю. Привет мой Вам,

Илья Зданевич
26.2.<19>24¹⁹

В тетради «Потерпевшие...» этот невидимый биографический слой косвенно представлен двумя газетными вырезками с анонсами литературных вечеров (л. 6). По поводу первого из мероприятий, устроенного Петроградским землячеством в парижском кафе «Voltaire» 27 декабря 1923 г., мы можем только строить предположения, весьма условно ассоциируя автора тетради и Зданевича с городом, где прошла основная часть их дореволюционной жизни²⁰. Иначе обстояло дело

¹⁸ См.: [Обатнина 2013], а также библиографию к истории взаимоотношений Ремизова с футуристами в 1910-е гг. и мотивы сближения с группой «Через» в 1924 г. в исследовании [Обатнина 2019: 19–22].

¹⁹ Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Ser. 1. Box 3. Folder 7.

²⁰ Напомним, Зданевич — уроженец Тифлиса, а Ремизов по рождению москвич, всегда подчеркивавший на речевом уровне свою «московскость».

со вторым вечером (12 марта 1924 г.), о котором с уверенностью можно сказать, что авангардист был инициатором этого собрания, организованного специально для выступления Ремизова с чтением только что вышедшей из печати книги «Кукха. Розановы письма» (Берлин, 1923)²¹. Историко-литературный комментарий к объективному содержанию заметки формально может ограничиться пояснением идейного направления группы «Через» и раскрытием особенностей нарратива ремизовских воспоминаний об известном философе. Между тем в «затекстовой» реальности этого фрагмента «Потерпевших...» остаются важные эпизоды и корреляции. Именно о них мы и расскажем, чтобы определить смысловую связь с пушкинской темой.

Сам выбор в ряду известных произведений Ремизова книги, кардинально изменившей родовые признаки жанра автобиографической прозы XX в., на наш взгляд, является здесь «означением» как темы преодоления канона, так и сопутствующей ей темы разногласий литературного большинства и творческой индивидуальности. Напомним, что одним из тезисов Зданевича в его речи была защита «живого» Пушкина от литературно-общественного официоза. Автобиографическая форма и интимный тон рассказов Ремизова о Розанове также противоречили этике литературно-общественного поведения²². В эмигрантской критике со времени выхода из печати книги «Кукха» начал складываться устойчивый шаблон неприятия ремизовской прозы, порицаемой за отклонения от общепризнанной литературной нормы. Таким образом, расположение в «пушкинской» тетради заметки о выступлении в группе «Через» могло быть мотивировано желанием продемонстрировать как автобиографическую линию пересечений со Зданевичем, так и скрытую тему противостояния новаторов и традиционалистов. В «тексте» тетради эта «означающая» функция упомянутой заметки находится во внутренней взаимосвязи с ремаркой писателя к заголовку несостоявшейся «Пушкинской речи» авангардиста: «Не дали говорить» (л. 3)²³.

В сравнении с ремизовской историей самоутверждения в эмигрантской литературе, инцидент со Зданевичем был также наделен инвариантными признаками конфликта официального и индивидуального²⁴. Неслучайно критические замечания в свой адрес Ремизов относил к разряду «цензурных» преследований²⁵. Газет-

²¹ Книга вышла в свет не ранее 19 декабря 1923 г.

²² Подробнее см.: [Обатнина 2011a].

²³ Решение отказать Зданевичу в оглашении его речи было принято организационным Комитетом торжества, в число которого входили председатель Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции Н. В. Чайковский, а также его соратник — журналист, общественный деятель С. В. Познер; директор Школы восточных языков, ученый-славист П. Буайе; политик, историк, главный редактор парижской газеты «Последние новости», председатель Ассоциации русских писателей и журналистов в Париже П. Н. Милуков; вице-президент Русского народного университета в Париже, профессор Сорбонны Д. Н. Одинец; писатели М. А. Алданов, И. А. Бунин и В. Ф. Ходасевич. В известных эго-документах перечисленных литераторов отражение этого инцидента не обнаружено.

²⁴ Характерно, что Зданевич предвидел реакцию литературной общественности на заготовленную им в лучших традициях футуризма 1910-х гг. акцию «защиты» Пушкина. Предвкушение успеха, особенно в случае противодействий, прочитывается за строками письма В. С. Свешникову, отправленного накануне торжественного собрания: «...меня, от большого ума, пригласили говорить в четверг в Сорбонне по случаю 125-летия Пушкина. Выступаю в компании Мережки, Алданова, Ходасевича и пр., я им такую речь приготовил, что жалею Вас — пропустите редкий спектакль» (цит. по: [Зданевич 2021: 608–609]).

²⁵ Подробнее см.: [Обатнина 2020].

ное сообщение о выступлении в группе «Через» (л.6.2) не только документально подтверждает его общение со Зданевичем, но и указывает на аудиторию молодых литераторов, где и тому и другому было предоставлено почетное право «говорить» и находить понимание. Прямое отношение к этому эпизоду имеет сохранившееся письмо Сергея Ромова, в котором планировалось выступление писателя:

Париж. 14 Февраля 1924 года

Многоуважаемый господин Ремизов.

Вы обещали Илье Михайловичу Зданевичу и еще кому-то из наших друзей прочесть доклад или произведение Ваше на одном из наших очередных клубных собраний.

Открытое собрание группы «Через» мы предполагаем устроить в среду 20-го Февраля²⁶.

Мы были бы Вам бесконечно благодарны, если бы Вы согласились подготовить свое выступление к этому дню.

Я узнал, что Вы оправились от болезни, и мы будем все очень рады Вас встретить и с Вами познакомиться. Мы к этому дню подготовим выступление <sic!> наших поэтов, и вы заодно ознакомитесь с их скромными начинаниями. Вы нас очень обяжете. Буду Вам весьма признателен, если не замедлите <s> ответом о своем решении, чтобы нам успеть поместить объявление и разослать приглашения.

Прошу Вас принять уверение в совершенном почтении готового к услугам

Сергея Ромова²⁷.

Казалось бы, сведение основной темы носителей мифа о Пушкине — его вольных или невольных «жертв» («потерпевших») — к «затекстовым» эпизодам взаимоотношений со Зданевичем способно не только сузить смысловое поле артефакта, но и разрушить тематическую целостность его «пушкинской» темы. Однако именно укрупнение биографического плана «затекстовой» реальности позволяет приблизиться к пониманию мотивов создания тетради. Авторская композиция, организованная по принципу объединения отличных по времени и смыслу фрагментов опубликованной информации, является коллекцией не столько событий, сколько явлений культуры. Корреляция розановской линии Ремизова с пушкинской линией Зданевича объективирует два случая новейшей мифологии, избравшей реальную творческую индивидуальность новым культурным героем²⁸. В дальнейшем Розанов в творческой системе Ремизова приобретет свойства философского концепта витальности и Эроса [Обатнина 2001: 184–186]. Так же и образ Пушкина по-смертно наделялся носителями пушкинского мифа своими знаковыми качествами.

Феномен Текста проявляет способность, по выражению Лотмана, конденсировать память культуры и генерировать новые смыслы [Лотман 2000: 158–162]. Артефакт «Потерпевшие...» заключает в себе ремизовскую рефлексию пушкинского юбилея как мифологизированной формы культурной памяти. Возвращаясь к отмеченному нами в композиции тетради принципу мнемонической автокоммуникации, признаем, что не все ремизовские «узелки на память» поддаются де-

²⁶ Вечер состоялся месяц спустя. См. Приложение, л. 6.2.

²⁷ Цит. по: [Обатнина 2019: 20–21]. Документальным подтверждением других встреч двух писателей мы не располагаем, за исключением того факта, что в 1930 г. Ремизов оказался одним из получателей вышедшего в свет романа Зданевича «Восхищение» (Париж: 41 °). Согласно составленному автором списку адресатов, книга была отправлена писателю 9 апреля [Зданевич 2022: 236].

²⁸ Обоснование пушкинского статуса «культурного героя» см. в работе [Виролайнен 2003].

шифровке. К нераспознанным относится газетное объявление 1927 г. об участии Ремизова в «Беседе по русской культуре», посвященной «Москве и Подмосковию» (л. 7 об. — 8.). Несомненно, недостаточная широта горизонта наших знаний не позволяет определить его денотативное значение в семиотике артефакта. Однако принимая композицию тетради как результат оперирования «чужим» текстом, мы можем выделить в ряду наклеек своего рода аллюзию к теме мифичности бытия русского зарубежья. В этом смысле вырезка из газеты 1927 г., как и аналогичное по типу информации объявление 1923 г. (о вечере Петроградского землячества), латентно поддерживают тему мифа, преодолевшего привычные границы бытования. Попытка воскресить Петроград и Москву в контексте Парижа, согласно иронически-абсурдистской тональности «Потерпевших...», обретает коннотации с «видением Пушкина», возникшим не в исторически печальных окрестностях Черной речки, а в Барнаульском уезде.

Неотъемлемой частью тетради «Потерпевшие...» являются ее декоративно-изобразительные элементы. Все они несут в себе различную смысловую нагрузку. Если украшения концертной программки 1924 г. (цветок и миниатюрная шпага на л. 5) — это авторский жест, личная символизация памятной даты, то вырезка с экслибрисом Семенченкова на л. 10 — отпечаток культуры, один из особенных образов коллекционной пушкинианы.

Прежде чем обосновать это утверждение, вновь подчеркнем, что ремизовский артефакт представляет собой в полном смысле знаковую систему, в которой нет случайных элементов. Принимая во внимание бумажный «носитель» тетради — обложку брошюры и листы фирменной почтовой бумаги журнала «Hippocrate. Revue D'Humanisme Médical», мы интерпретировали содержание «Потерпевших...» как рефлексию мифа о Пушкине и случаев его распространения в культуре, собранную после 1933 г., когда образовался журнал. Центральным событием в этом сконструированном повествовании для нас оставался 125-летний юбилей со дня рождения поэта, отмеченный в 1924 г. Мы оставались в этой точке истории, пока не прочли отпечатанный на самой брошюре технический текст. Открывшаяся информация откорректировала первоначальные выводы, поскольку среди выходных данных обнаружилось не только название типографии, но, что более существенно для нас, месяц и год выпуска этого печатного издания: «Paris, Imprimerie Jouve et Cie. — 9–1937». Отталкиваясь от выявленной объективной датировки, теперь мы можем утверждать, что композиция тетради была собрана не ранее сентября 1937 г. В связи с этим уточнением еще раз остановимся на истории ее создания.

Хронологическая произвольность наклеенных в тетрадь печатных вырезок указывает на то, что композиция «Потерпевших...», оформлявшаяся по ходу накопления материалов, определялась не линейным историческим временем, а событийным хронотопом. Вероятнее всего, тема «жертв» мифа о Пушкине родилась в 1926 г. на основании латентной корреляции между эпизодом в Барнаульском уезде и речью Зданевича (1924)²⁹. Продолжена она была уже в связи со следующим

²⁹ Ср. описание механизма: «...первым звеном порождения текста можно считать возникновение исходного символа, емкость которого пропорциональна обширности потенциально скрытых в нем сюжетов. Не случайно определение таких, казалось бы, маргинальных моментов, как заглавие и эпитафия, может служить сигналом того, что “тема” (в терминологии Жолковского — Щеглова) определилась» [Лотман 2000: 214].

громким пушкинским юбилеем, отмеченным эмигрантским Парижем в 1937 г.³⁰ Такой примечательный элемент тетради, как библиофильский знак, повторяющий историческую печать Войска Донского³¹, включает в себе проекцию именно на это событие. Изображение разудалого казака на экслибрисе искусствоведа, собирателя старины донского казачества, потомственного казака Александра Ксенофоновича Семенченкова (1893–1972), очевидно, поддерживает иронические обертоны ремизовской подборки в альбоме «Потерпевшие...». Однако только «затекст» этой картинки позволит в полной мере оценить poïnte авторского замысла.

Владелец экслибриса оказался в центре приготовлений знаменитой выставки «Пушкин и его эпоха», открывшейся для посетителей 16 марта 1937 г. в фойе зала Плейель. Упоминания об этом «активном участнике», «большом знатоке книг и гравюр» встречаем в книге главного организатора пушкинских культурных мероприятий [Лифарь 1966: 53, 55]. Вероятнее всего, наклеенная в тетрадь колоритная картинка — это напоминание не только о личном знакомстве писателя с коллекционером (подтверждение этого факта не установлено), но и о «пушкинском номере» газеты «Последние новости» (1937, 10 февраля, № 5801). Здесь впервые были одновременно опубликованы ремизовский очерк «Дар Пушкина» и статья Семенченкова «Пушкин и казаки», начинавшаяся с тезиса: «Пушкин был первым поэтом русского казачества»³². Таким образом, изображение печати Войска Донского в составе «Потерпевших...» является одним из иконических знаков пушкинского мифа.

Обратившись к понятиям мифа, текста и «затекста» применительно к описанию конкретного артефакта, мы раскрыли его содержание, построенное на денотативных и коннотативных связях. Привлечение же внетекстовых структур позволило ближе подойти к пониманию авторского замысла и определить историко-культурный статус малоизвестного архивного документа. Выделенные нами смысловые доминанты сопровождаются факультативными отвлечениями, раскрывающими биографические эпизоды из жизни Ремизова. Тетрадь, созданная по принципу монтажа «чужого» текста, демонстрирует жизнеспособность мифологии, которая в ремизовской коллекции курьезных случаев представлена в нескольких социокультурных срезах. В этой знаковой системе главенствующее место отведено концепту «Пушкин», неразрывно связанному с такими общественными явлениями, как юбилей национального поэта.

Уникальность созданного Ремизовым артефакта состоит в том, что это единый Текст, образованный посредством монтажа документальных источников и художественно-изобразительных элементов. С известной долей допущений авторская композиция иллюстрирует механизмы Мифа новейшего времени как вторичной семиологической системы [Барт 1989: 78]. На сходство ремизовского замысла с концепцией Барта, обоснованной в доструктуралистский период его творчества, указывает тот факт, что содержание «Потерпевших...» составлено из коллекции сообщений, «уже обработанных для целей определенной коммуникации» [Барт 1989: 73]. Юбилейная печатная продукция, газетная хроника, анонсы публичных меро-

³⁰ См. также упоминание о тетради Ремизова в ракурсе изучения пушкинского мифа: [Денисенко 2003: 312–313]. К образцам пушкинского мифа здесь отнесены только два фрагмента (речь Зданевича и барнаульское «дело»); связь артефакта с юбилеем 1937 г. не установлена.

³¹ Происхождение печати истории относят к 1704 г. [Чернявский 2019: 165–168].

³² Статья, сопровождавшая публикацию материалов из собрания Семенченкова, в том же году публиковалась в харбинской газете «Рупор» (1937, 1 марта. № 56. С. 10).

приятый, атрибутика библиофильского собирательства, листовка как способ публикации — все это отражения мифологического сознания человека XX в., к числу носителей которого относился и сам Ремизов. Его рецепция пушкинской темы проявляется в подборке материалов, но отнюдь не в абсолютной солидарности с их смысловыми значениями. С учетом аналогий творческого метода Ремизова нам представляется продуктивным прочитывать тетрадь «Потерпевшие...» не в аспекте субъектно-объектных отношений (Ремизов — «Пушкин»), в пределах которых осуществляется выражение авторской позиции, а на уровне корреляции «означающее» и «означаемое» (текст — миф), где элементы Текста, собранные писателем, вписаны в мифологическую парадигму.

Оставаясь в контурах семиотической концепции Текста, уделим внимание и пустым страницам, расположенным в середине самодельного переплета «пушкинской» тетради. Именно они служат веским основанием для того, чтобы рассматривать этот результат литературно-художественной практики писателя как творческую энтелехию. Гипотетически, по логике ремизовского построения «памятных» альбомов³³, сюда могли быть инкорпорированы и другие материалы, например известные нам письма Зданевича и Ромова, в конечном счете обретшие свое местоположение в одном из созданных писателем в 1945 г. эпистолярных конволютов (том XXVII)³⁴. Очевидно, в это время тетрадь «Потерпевшие...» уже была передана в руки собирателей истории русской эмиграции³⁵. Незавершенность ремизовского артефакта лишь подтверждает его идею динамически развивающейся летописи культуры, которая, как текстовая форма, по выражению Лотмана, создает вокруг себя «смысловое пространство», вступающее «в определенные соотношения с культурной памятью (традицией)» [Лотман 2000: 162].

Источники

- Зданевич 2022 — Зданевич И. (Ильязд). *Восхищение*: роман. Кудрявцев С. (сост., подгот. текста, коммент. и примеч.). М.: Гилея, 2022.
- Зданевич 2021 — Зданевич И. (Ильязд). *Дом на говне: доклады и выступления в Париже и Берлине. 1921–1926*. Кудрявцев С. (общ. ред.); Гейро Р., Кудрявцев С. (сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент.). М.: Гилея, 2021.
- Лифарь 1966 — Лифарь С. *Моя зарубежная пушкиниана*. Париж: Editions Béresniak, 1966.
- Бурлюк и др. 1912 — Бурлюк Д., Крученых А., Кандинский В., Лившиц Б., Маяковский В., Хлебников В. *Пощечина общественному вкусу. В защиту свободного искусства*. Стихи. Проза. Статьи. М.: Изд. Г. Л. Кузьмина, [1912].
- Ремизов 1932 — Ремизов А. Пушкинская речь Достоевского. *Последние новости*. 1932, (21 февраля, № 3987): 3.
- Ремизов 1933 — Ремизов А. Шиш еловый. *Числа*. 1933, (9): 57–83.
- Р.С. 1924 — Р.С. <Н. В. Калишевич, псевд. Р. Словцов>. Пушкинское торжество. *Последние новости*. 1924, (14 июня, № 1269): 4.
- Русское зарубежье — *Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни во Франции. 1920–1940*. В 4 т. Т. 2. Мнухин Л. А. (общ. ред.). Париж; М.: YMCA-Press, 1995.
- Филин 2004 — Филин М. Д. *Зарубежная Россия и Пушкин. Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918–1940). Иконография*. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004.

³³ Подробнее об этом см.: [Обатнина 2008: 349–350].

³⁴ Amherst. Ser. 1. Box 3. Folder 3.

³⁵ История провенанса тетради Ремизова до того, как она оказалась в семье мецената Л. Б. Варсано, неизвестна.

Литература

- Барт 1989 — Барт Р. Миф сегодня. В кн.: Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Косиков С. Г. (сост., вступ. ст. и коммент.). М.: Прогресс, 1989. С. 72–130.
- Виролайнен 2003 — Виролайнен М. Культурный герой Нового времени. В кн.: Виролайнен М. *Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности*. СПб.: Амфора, 2003. С. 111–134.
- Говорухина 2021 — Говорухина Ю. А. Феномен затекста: ускользающая сущность. В кн.: *Феномен затекста*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 108–120.
- Грачева 2008 — Грачева А. М. Романские эксперименты А. Ремизова 1930-х годов и «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» М. Сервантеса. В сб.: *Русская литература конца XIX — начала XX века в зеркале современной науки: в честь В. А. Келдыша: Исследования и публикации*. Лекманов О. А., Полонский В. В. (сост.). М.: Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького РАН, 2008. С. 245–254.
- Денисенко 2003 — Денисенко С. В. Пушкинские торжества 1937 г. в русской эмиграции (по м-лам Л. Варсано). В сб.: *Зарубежная Россия 1917–1939 = Russian Abroad 1917–1939: м-лы Междунар. конф. «Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1939 гг.»* (СПб., 4–6 сент. 2002 г.). Кн. 2. СПб., 2003. С. 312–316.
- Евдокимова 1999 — Евдокимова Т. В. Добавления к статье Ф. А. Молока «Пушкинский юбилей 1937 года в русском зарубежье» по материалам коллекции Лидии и Сержа Варсано, хранящейся в Пушкинском кабинете ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. *Русская литература*. 1999, (4): 152–154.
- Кибальник 1994 — Кибальник С. Пушкин у Ремизова. В сб.: *Алексей Ремизов: исследования и материалы*. Грачева А. М. (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 172–177.
- Лавров 2003 — Лавров А. В. «Сирин» — дневниковая тетрадь А. Ремизова. В сб.: *Алексей Ремизов: исследования и материалы*. Грачева А. М. и д'Амелия А. (отв. ред.). Сер.: Collana di Europa Orientalis; вып. 4. СПб.; Салерно: Europa Orientalis — Puskinskij Dom, 2003. С. 229–232.
- Лотман 1994 — Лотман Ю. М. Текст и внетекстовые структуры. В сб.: Ю. М. *Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. Кошелев А. Д. (сост. и отв. ред.). М.: Гнозис, 1994. С. 201–239.
- Лотман 2000 — Лотман Ю. М. *Семиосфера*. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
- Маркадэ 1987 — Маркадэ И. Ремизовские письма. В сб.: *Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer*. Slobin G. (ed.). Сер.: UCLA Slavic Studies; Vol. 16. Columbus: Slavica, [1987]. P. 121–134.
- Обатнина 2001 — Обатнина Е. *Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизовавлицах и документах*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001.
- Обатнина 2008 — Обатнина Е. Быт как территория творчества Алексея Ремизова. В сб.: *Вестник истории, литературы, искусства*. Т. 5. Бонгард-Левин Г. М. (гл. ред.). М.: Собрание; Наука, 2008. С. 340–352.
- Обатнина 2011a — Обатнина Е. Р. Вариации памяти (творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове). В кн.: Ремизов А. М. *Кукха. Розановы письма*. Обатнина Е. Р. (подгот.). Сер.: Лит. памятники. СПб.: Наука, 2011. С. 231–319.
- Обатнина 2011b — Обатнина Е. Р. Кладовая творчества А. М. Ремизова: аннотированный каталог артефактов писателя в собр. Рукописного отдела Пушкинского Дома. *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 302–370.
- Обатнина 2013 — Обатнина Е. Р. Художник и история, или Как сделан «Памятник погибшим анархистам». *Новое литературное обозрение*. 2013, (4): 198–225.
- Обатнина 2019 — Обатнина Е. Р. Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: «La vie», или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925. *Литературный факт*. 2019, (4): 8–44.
- Обатнина 2020 — Обатнина Е. Р. Алексей Ремизов: между рецепцией и авторефлексией: (избранные страницы альбому «Зарубежная цензура». 1923–1931). *Studia Litterarum*. 2020, 5 (4): 246–265.
- Подчиненов 2021 — Подчиненов А. В. Предисловие. В кн.: *Феномен затекста*. Снигирева Т. А., Подчиненов А. В. (общ. ред.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 7–10.
- Пономарева 2021 — Пономарева Е. В. Книга художника: текст и затекст. В кн.: *Феномен затекста*. Снигирева Т. А., Подчиненов А. В. (общ. ред.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 59–66.
- Сараскина 2018 — Сараскина Л. И. Пушкинский миф в русской культуре: легенды, анекдоты, клише. *Художественная культура*. 2018, (4): 128–161.

- Флейшман 1999 — Флейшман Л. В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского. В сб.: *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski*. L. Fleishman (ред.). Сер.: Stanford Slavic Studies. Vol. 20. Stanford: Stanford University, 1999. P. 145–176.
- Чернявский 2019 — Чернявский К. Р. Вторая печать Войска Донского. *Донской временник*. 2019, (28): 165–168.
- Gayraud 1987 — Gayraud R. Il'ja Zdanevič sur Puškin. *Revue des Études Slaves*. 1987, 59 (1–2): 401–403.

Статья поступила в редакцию 17 января 2023 г.

Статья рекомендована к печати 3 ноября 2023 г.

Elena R. Obatnina

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
4, nab. Makarova, St. Petersburg, 199034, Russia
lena.eo@mail.ru

The artifact reading experience: “Pushkin notebook” by Alexei Remizov

For citation: Obatnina E. R. The artifact reading experience: “Pushkin notebook” by Alexei Remizov. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (1): 61–78.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.104> (In Russian)

The article actualizes the range of problems of phenomenology of the text in relation to such specific objects of the creative heritage of A. M. Remizov as his albums. Based on the basic provisions of semiotic analysis, the author of the article proposes to investigate the Remizov's artifact in the field of scientific concepts was formulated by Y. M. Lotman and R. Barth — in relation to the myth of the modern times. For the first time the article introduces a complete description of the insufficiently researched archive document of the so-called “pushkin notebook”. Fragments of this artifact — are printed other people's texts. The dominant topic is directly or indirectly related to the name “Pushkin” and the development of the Pushkin myth. Optional topics is connected to the Remizov's role as an actor of cultural process of 20th century. To detect the projection of textual and iconographic artifact fragments on hidden episodes, the author uses the term “after-text”, meaning the domain of biographical and cultural connotations. The aim is to verify the productivity of reading of the author's artistic composition as the sign system. As a result, the Remisov's idea of “pushkin notebook” as a “monument” of culture was restored. There was revealed the principle of the organization of artifact's “text” by analogy with the models of Remisov's cultural chronicles of the beginning 1920s and 1930s. The structural-semiotic approach to verbal and iconic artifact fragments, as well as the using of archeographic description to reveal the author's reflection provides a new perspective on the phenomenon of Pushkin myth in the paradigm of the literary reception of the 20th century.

Keywords: archival document, Remisov's artifact, semiotic of text, “Pushkin myth”, cultural reflection, literary reception.

References

- Барт 1989 — Barthes R. Le mythe aujourd'hui. In: Barthes R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. Kosikov G. K. (ed., compl., introd.). Moscow: Progress Publ., 1989. P. 72–130. (In Russian)
- Виролайнен 2003 — Virolainen M. N. Culture hero of New time. In.: *Rech' i molchanie: Siuzhety i mify russkoi slovesnosti*. St Petersburg: Amfora Publ, 2003. P. 111–134. (In Russian)
- Говорухина 2021 — Govorukhina Iu. A. The phenomenon of aftertext: the elusive essence. In: *Fenomen zateksta*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2021. P. 108–120. (In Russian)
- Грачева 2008 — Gracheva A. M. Novel experiments by A. Remizov of the 1930s and “Clever hidigo Don Quixote Lamanchi” by M. Cervantes. In: *Russkaia literature kontsa XIX — nachala XX veka v zerkale*

- sovremennoi nauki: v chest' V. A. Keldysha: issledovaniia i publikatsii*. Moscow: Institut mirovoi literatury imeni A. M. Gor'kogo RAN Publ., 2008. P. 245–254. (In Russian)
- Денисенко 2003 — Denisenko S. V. Pushkin celebrations of 1937 in the Russian emigration (Based on materials by L. Varsano). In: *Zarubezhnaia Rossiia 1917–1939 = Russian Abroad 1917–1939: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii "Kul'turnoe nasledie rossiiskoi emigratsii. 1917–1939 gg."* (SPb., 4–6 sent. 2002 g.). Book 2. St Petersburg: Liki Rossii Publ., 2003. P. 312–316. (In Russian)
- Евдокимова 1999 — Evdokimova T. V. Addenda to the article by F. A. Molokov "Pushkinsky anniversary of 1937 in the Russian abroad" on the materials of the collection of Lidia and Serge Varsano, stored in the Pushkin Cabinet of the IRLI (Pushkinsky House) RAS. *Russkaia literatura*. 1999, (4): 152–154. (In Russian)
- Кибальник 1994 — Kibal'nik S. Remisov's Pushkin. In: *Aleksei Remizov: issledovaniia i materialy*. St Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1994. P. 172–177. (In Russian)
- Лавров 2003 — Lavrov A. V. "Sirin" — Remizov's diary notebook. In: *Aleksei Remizov: issledovaniia i materialy*. Ser.: Collana di Europa Orientalis; Iss. 4. St Petersburg; Salerno: Europa Orientalis — Puskinskii Dom Publ., 2003. P. 229–232. (In Russian)
- Лотман 1994 — Lotman Yu. M. Text and non-text structures. In: *Iu. M. Lotman i tartusko-moskovskaia semioticheskaia shkola*. Moscow: Gnozis Publ., 1994. P. 201–239. (In Russian)
- Лотман 2000 — Lotman Iu. M. *Semiosfera*. St Petersburg: Iskustvo-SPb Publ., 2000. (In Russian)
- Маркадэ 1987 — Marcadé Jean-Claude. Remisov's inscriptions. In: *Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer*. Ser.: UCLA Slavic Studies; Vol. 16. Columbus: Slavica, [1987]. P. 121–134. (In Russian)
- Обатнина 2001 — Obatnina E. *Tsar Asyka and his subjects: A. M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in persons and documents*. St Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2001. (In Russian)
- Обатнина 2008 — Obatnina E. Byt (Everyday Life) is like a land of Aleksei Remizov's creativity. In: *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*. Vol. 5. Moscow: Sobranie Publ.; Nauka Publ., 2008. P. 340–352. (In Russian)
- Обатнина 2011a — Obatnina E. R. Variations of memory (creative history of "Kukkh" and other memoirs of Remizov about Rosanov). In: Remizov A. M. *Kukkh. Rozanovy pis'ma*. St Petersburg: Nauka Publ., 2011. P. 231–319. (In Russian)
- Обатнина 2011b — Obatnina E. R. Pantry of creativity of A. M. Remizov: Annotated catalogue of the author's artifacts in collection of Manuscript Department of the Pushkinsky House. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2009–2010 gody*. St Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2011. P. 302–370. (In Russian)
- Обатнина 2013 — Obatnina E. R. Artist and History, or How was made "Monument to Perish Anarchists". *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2013, (4): 198–225. (In Russian)
- Обатнина 2019 — Obatnina Elena. Studies on Alexey Remizov's creative biography: "La vie", or life of "miraculously". Paris, 1924–1925. *Literaturnyi fakt*. 2019, (4): 8–44. (In Russian)
- Обатнина 2020 — Obatnina E. R. Alexey Remizov: Between Reception and Self-Reflection (The Chosen Pages of the Scrapbook "Foreign Censorship", 1923–1931). *Studia Litterarum*. 2020, 5 (4): 246–265. (In Russian)
- Подчиненов 2021 — Podchinenov A. V. Introduction. In: *Fenomen zateksta*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2021. P. 7–10. (In Russian)
- Пономарева 2021 — Ponomareva E. V. A Book of an artist: Text and aftertext. In: *Fenomen zateksta*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2021. P. 59–76. (In Russian)
- Сараскина 2018 — Saraskina L. I. Pushkin's myth in Russian culture: legends, anecdotes, cliches. *Khudozhestvennaia kul'tura*. 2018, (4): 128–161. (In Russian)
- Флейшман 1999 — Fleishman L. Among Remizov's mystifications: Sarkofag'sky's "Conclave". In: *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski*. L. Fleishman (ed.). Ser.: Standford Slavic Studies. Vol. 20. Stanford: Stanford University, 1999. P. 145–176. (In Russian)
- Чернявский 2019 — Cherniavskii K. R. The Second seal of Don Army. *Donskoi vremennik*. 2019, (28): 165–168. (In Russian)
- Gayraud 1987 — Gayraud R. Il'ja Zdanevich sur Puškin. *Revue des études slaves*. 1987, 59 (1–2): 401–403. (In French and Russian)

Received: January 17, 2023
Accepted: November 3, 2023

Ремизов А. М. «Потерпевшие в 125-летие со дня рождения А. С. Пушкина в Париже и в России». Тетрадь <Париж, 1923–1937>³⁶.

Композиция, составленная из печатных документов, газетных вырезок и предметов декора. В самодельной тетради, с обложкой (верхняя и задняя крышка «переплета») от рекламной брошюры медицинского журнала «Hippocrate. Revue D'Humanisme Médical» (изд. Hippocrate, Paris, 1937) и листами фирменных бланков журнала. 11 листов.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, собр. Мме Лидии Варсано.

Л. 1. Обложка (верхняя крышка «переплета»). На основном листе сверху надпись рукой Ремизова: *A. Remisoff*. Вклейка: Пригласительный билет. В печатный текст рукой Ремизова вписаны слова (далее отмечены нами курсивом), изменившие смысл типографского набора:

Комитет Помощи Русским писателям
и Ученым во Франции

Союз Русских Писателей и Журналистов

Русский Народный Университет

ПОТЕРПЕВШИЕ

в

125-летие

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

А. С. ПУШКИНА

в Париже и в России

12-го июня с. г. в 8 ч. 30 м. веч.

В помещении СОРБОННЫ (амфитеатр Ришелье)

состоится торжественное чествование памяти великого русского поэта,
на которое Вас просят пожаловать.

ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ

На ____ чел.

Л. 1 об. Рекламный блок журнала «Hippocrate. Revue D'Humanisme Médical». Типогр. печать.

Л. 2. «Дело о видении Пушкина» — газетная вырезка, вероятно, из «уголовной хроники» советской печати, воспроизведенная в одной из эмигрантских газет; с пометой Ремизова красным карандашом «П 1926»:

Дело о видении Пушкина

Согласно последних <sic> сведений дело о «явлении» окровавленной тени Пушкина у колодца в с. Пиканском Барнаульского уезда окончилось привлечением к суду еп. Барнаульского Никодима, протоирея Смирнова и священ. Погоржинского.

Епископ Никодим и протоиерей Смирнов приговорены на шесть лет тюрьмы «со строгой изоляцией», священник Погоржинский — на 4 года.

³⁶ Полстное описание тетради выполнено нами в рамках проекта РФФ, 2020–2022, №20-18-000072. См. прим. 4 к настоящей статье.

Л. 2 об. — чистый.

Л. 3. Вклейка: «Речь*) ИЛЬИ ЗДАНЕВИЧА на чествовании 125-летия рождения А. С. Пушкина в Сорбонне 12 июня 1924 года, не допущенная юбилейным комитетом к оглашению». Печать на ротаторе. 1 л.

*) Здесь рукой Ремизова приписано: *Не дали говорить.*

Мм Гг!

Общепризнано, что печальна судьба великих людей в России. Гении в искусствах или науке, деятельность которых здесь вырыла бы глубокие следы в истории страны, у нас непопулярны обычно или забыты. Иногда наоборот — признание, преклонение, но такое, что горше забвенья. Вот удел А. С. Пушкина.

Описание поэта? Это очень просто. Скажем отрицательно — А. С. Пушкин не таков, как о нем говорят, литература о Пушкине за сто лет — клевета, его официальный облик — выдумка критиков. В продолжение века традиция возводила вокруг поэта невероятные сооружения, за которыми живого поэта теперь и не видно. А. С. Пушкин в плену у невежд.

Заметьте, из поколения в поколение цветут школы учеников Пушкина. Каждое десятилетие приносит поэтов, выдающих себя за хранителей пушкинских навыков, и это, неизменно, самые плохие поэты. Так посредственность распорядилась великим именем, монополизировала его и сделала А. С. Пушкина самым постыдным орудием худшей литературной реакции. В течение годов дело этого непринужденного революционера, жизнерадостного смельчака, этого пламенного оптимиста, двусмысленного, непристойного, невоспроизводимого, непереводимого, служило и служит до сих пор, чтобы душиť все молодое, все буйное, каков он был сам, все свободное от литературных приличий, и беспощадно тормозить эволюцию русской поэзии.

С этой монополией реакционеров на А. С. Пушкина можно было бы бороться. Но ей на помощь приходит индустрия. Вернее, спекуляция, пухнущая с каждым днем, так называемый пушкинизм. Этой толпой евнухов, нежнейший, мудрый и легкий, влюбленный Дон-Жуан, поэт разобран, заприходован сообразно их убожеству, обезличен, обесчещен, точно поэзию можно рассматривать в микроскоп, будто близорукость способна что-либо различить в этом блеске, не видя дальше собственного носа, когда в А. С. Пушкине эти господа ничего не находят, кроме отражения их желтых вкусов и идей.

Нужно жить в России, чтобы оценить высокий комизм и печальные плоды этого предприятия. И мы не присоединяемся к напыщенному юбилейному хору. Когда традиция хлопочет закрепить за А. С. Пушкиным угодную ей репутацию, мы можем только оплакивать убитого поэта.

Илья ЗДАНЕВИЧ

Л. 4 об. — чистый.

Л. 5. Вклейка: фрагмент поврежденного по левому краю пригласительного билета (аналогичный расположен на обложке, л. 1) на Торжественное заседание 12 июня 1924 г., посвященное 125-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Здесь же приколоты две декоративные булавки: 1. фиалка (ткань, металл); 2. шпага с триколором французского флага (металл, ткань).

Л. 5 об. — чистый.

Л. 6. Две вырезки из парижских газет. На листе переплетного блока в правом верхнем углу помета рукой Ремизова синим карандашом, относящаяся к заметке (2): 1924. 12. IV.

1. Газетная вырезка с пометами Ремизова красным карандашом (подчеркнуто имя писателя и уточняющие датировки — далее выделены курсивом):

Петроградское Землячество 1923

Сегодня 27-го XII в зале кафе Вольтер (метро Одеон плас де л' Одеон) — состоится

«ВСТРЕЧА ПЕТРОГРАДЦЕВ»

На вечере выступят: писатели: ТЭФФИ и АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

и г-жи К. Г. Никитина, А. П. Янова и гг. А. И. Бердников, С. В. Каминский, Я. М. Ромм и др.

Начало в 9 час. веч. Входная плата 3 франка.

2. Газетная вырезка с уточняющей датировкой рукой Ремизова черными чернилами (далее выделено курсивом):

Сегодня в среду 12 марта в кафе de Port Poyal (22, av. De l' Observatoire, coin Bd. Montparnasse. Tram.: 8 б Métro: Vavin).

Открытое собрание группы «Ч Е Р Е З» 1924.

Под председательством **Сергея Ромова**

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ прочтет из книги «КУКХА»

Выступления поэтов: Б. Божнева, А. Браславского, А. Гингера, Г. Евангулова, И. Здаевича, В. Кемецкого, В. Познера, Б. Поплавского, М. Струве, С. Шаршун <sic!>. — Начало в 9 час. веч. — **Вход свободный**³⁷.

Л. 6 об. — 7. Вклейка: концертная программа Торжественного вечера, посвященного 125-летию А. С. Пушкина в Сорбонне на французском языке. Типогр. печать. Здесь же помета красным карандашом рукой Ремизова: подчеркнуто (далее выделено нами курсивом) его имя в ряду выступавших во второй части вечера «Partie Litteraire et Musicale» — 1. «*Le Pêcheur et le Poisson d'Or (Conte) A. Pouchkine. M<onsieur> ALEXIS REMIZOV*».

Л. 7 об. — 8. Вклейки: две аналогичные вырезки из раздела «Хроника» в газете «Последние новости». Б. н. <Заметка> «Беседы по русской культуре». <1927, 8 мая>³⁸. Здесь же помета красным карандашом рукой Ремизова: подчеркнуто (далее выделено курсивом) его имя среди участников программы.

ХРОНИКА

БЕСЕДЫ ПО РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Сегодня, 8 мая, в 2 ч. 30 мин дня, в помещении Саль ла Жеографии (184, бул. Сен Жермен) Народный Университет организует «беседу», посвященную Москве и Подмосковным <sic!>.

В первом отделении В. П. Недачин сделает доклад, иллюстрированный картинами проекционного фонаря, и А. М. Ремизов прочтет свое произведение.

Во втором отделении выступают артисты Русской Оперы В. Э. Важеевская-Парфенова, проф. Ф. Т. Гонцов и Г. А. Леонов, которые исполняют произведения Рахманинова, Гречанинова, Чайковского, Каллинникова <sic!> и друг. У рояля И. И. Пирогов.

Вход свободный для всех, в возмещение расходов взимается 3 фр.

Л. 8 об. — 9 — чистый.

³⁷ Вывяленный источник вырезки: Последние новости. 1924. 12 марта. № 1192. С. 5.

³⁸ Датировка уточнена по изд.: [Русское зарубежье 1995: 333].

Л. 9 об. — 10. Вклейка: изображение экслибриса в овале, с надписями. По внешней окружности: EXLIBRIS ALEXANDRE SEMENTCHENKOFF. По внутренней окружности: ПЕЧАТЬ ВОЙСКА ДОНСКОГО. На рисунке в центре экслибриса изображен обнаженный по пояс казак, в шапке, с ружьем в правой руке и рогом — в левой, оседлавший пороховую бочку, на которой перед казаком поставлена чарка.

Л. 10 об. — чистый.

Л. 11 — 11 об. Обложка (задняя крышка «переплета») с рекламным блоком. Типогр. печать.